ГОЛОСЪ ПРИКАЗЧИКА

Еженедѣльная газета,

посвященная интересамъ приказчиковъ, конторщиковъ и другихъ служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ.

Задача газеты — выясненіе приказчикамъ ихъ профессіональныхъ и гражданскихъ нуждъ и объединеніе ихъ силъ для дружной борьбы за улучшеніе ихъ экономическаго, правового и культурнаго положенія.

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой):

въ С.-Петербургѣ на годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 10 коп.; ***въ провинціи*** на годъ 3 руб., на полгода 1 р. 60 к.

Въ Спб. цѣна отдѣльн. № 5 к. Въ провинціи **6** к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строчку или ея мѣсто: на первой страницѣ 40 коп., на послѣдней 20 коп., за предложеніе труда на послѣдней страницѣ 5 коп. За перемѣну адреса—20 коп.

Редакціонныя условія:

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, могутъ подвергаться сокращенію и редакціон. исправленіямъ. Статьи должны быть за полною подписью автора, съ указаніемъ его точнаго адреса и могутъ печататься, смотря по желанію автора, за подписью его или безъ подписи. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, равно какъ и «письма въ редакцію», считаются безплатными. Рукописи напечатанныхъ статей, равно какъ и мелкія сообщенія (объемомъ менѣе одного печатнаго листа), непринятыя редакціей, не возвращаются вовсе. Болѣе объемистыя непринятыя рукописи возвращаются лишь при оплатѣ почтовыхъ расходовъ авторомъ. О всѣхъ изданіяхъ, присылаемыхъ въ редакцію для отзыва, объявляется въ особомъ «Спискѣ новыхъ книгъ».

Продажа отдѣльныхъ №№ и пріемъ подписки производится въ **С.-Петербургѣ**: при редакціи—Спб. Вознесенскій пр. 47, кв. 10,—во всѣхъ книжныхъ и газетныхъ кіоскахъ Пташникова, въ книжн. маг. „Русской Газеты"—Невскій 52, „Трудъ" Невскій 60 и у всѣхъ газетчиковъ. Въ **Москвѣ**: у В. А. Сизякова и К°, въ Лубянско-Ильинскихъ торговыхъ помѣщеніяхъ, № 10. Въ **Одессѣ**: въ Книжномъ Магазинѣ „Новое Слово". Въ **Кіевѣ** у И. Богатырева и С. Минцъ. Въ **Ростовѣ-на-Д.** въ конторѣ „Донской Рѣчи".

РЕДАКЦІЯ (Вознесенскій пр., 47, кв. 10) открыта ежедневно съ 2 до 4 ч. дня, кромѣ праздничныхъ дней.

16 апрѣля 1906 г. № 1. Цѣна 5 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

1) 16-е апрѣля 1906 г. **С. П.** — 2) Почему въ Союзѣ Приказчиковъ не мѣсто хозяевамъ. Статья **Леонтьева**. — 3) Странички рабочей жизни. Фельетонъ **Николая**. — 4) Очерки положенія Торгово-Промышленныхъ Служащихъ въ Россіи. **Розена**. — Какіе дни должны мы праздновать? **С. Петрова.** — 6) Къ Товарищамъ Приказчикамъ. Стихотв. тов. **Н. Петрова.** — 7) О Нашемъ Союзѣ. **П. Максимова.** — 8) Хроника. — 9) Письма въ редакцію. — 10) Отчетъ о дѣятельности Союза. — 11) Хорошія книги. — 12) Объявленія.

16 апрѣля 1906 года.

Приближается къ концу „выборная компанія" или, какъ ее называютъ другіе, „выборная комедія", предшествующая созыву „Перваго Россійскаго Парламента", какъ величаютъ нѣкоторые благодушные люди нашу „Государственную Думу". Повидимому, главные участники этой компаніи очень довольны ея результатами: конституціоналисты-демократы съ удовольствіемъ считаютъ полученные ими голоса, правительство съ наслаж-

деніемъ пересчитываетъ полученные имъ милліарды. И тѣ и другіе очень довольны, и тѣ и другіе торжествуютъ побѣду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и тѣ и другіе удивлены и, пожалуй, нѣсколько смущены легкостью этой побѣды.

Удивляться здѣсь, впрочемъ, нечему. Гг. конституціоналисты-демократы и правительство на всемъ протяженіи о избирательной компаніи лишь съ виду боролись другъ съ другомъ, а въ дѣйствительности дружно дѣлали общее дѣло, въ результатѣ котораго естественно и должно было получиться ихъ единовременно торжество и ликованіе.

На видъ — конституціоналисты-демократы и правительство стояли другъ противъ друга непримиримыми врагами. Правительство „посадило" по тюрьмамъ человѣкъ 5 партійныхъ ка-детовъ, привлекло къ суду человѣкъ 10 ка-детскихъ журналистовъ, закрыло съ полъ-сотни ка-детскихъ собраній. Ка-деты, не привыкшіе къ столь грубому обращенію, много кричали объ этихъ обидахъ, засыпали бумажныя корзины графа Витте и его приспѣшниковъ телеграфными жалобами и протестами, и вообще энергично „боролись" противъ этихъ насилій. Ка-деты въ блестящихъ рѣчахъ смѣло доказывали, что правительство ведетъ себя нехорошо, что не слѣдуетъ сажать тысячи людей безъ всякаго суда въ тюрьмы, что разстрѣлы безъ суда безоружныхъ и мирныхъ гражданъ не могутъ успокоить страны, что Дубасовы, Орловы, Сиверсы, Мины, Риманы и пр. хватили черезъ край, что не слѣдуетъ допускать искалѣчиванія арестованныхъ дѣвушекъ, пьянными казачьими офицерами. Пристава, слѣдившіе за порядкомъ въ собраніяхъ, возмущались, разумѣется, столь смѣлыми сужденіями, и дѣлали ка-детскимъ ораторамъ соотвѣтствующія замѣчанія...

Такъ „боролись" ка-деты и правительство. На видъ—это дѣйствительно походило на борьбу, и когда конституціоналисты-демократы выставляя грудь впередъ, называли себя „борцами за народную свободу" многіе имъ вѣрили. Вѣрили, пока продолжалась избирательная компанія. Но вотъ она кончается,—и, къ общему удивленію, оказывается, что обѣ стороны „враговъ" одержали блестящую побѣду! Невольно вспоминаешь условія борьбы, и тогда только замѣчаешь, какъ старательно помогали правительство и конституціоналисты-демократы другъ-другу въ этой—да позволено будетъ мнѣ воспользоваться ка-детскимъ терминомъ—въ этой „борьбѣ".

Ка-детамъ нужно было отвлечь голоса отъ блока правыхъ партій. Послѣднія партіи на каждое дѣйствіе правительства отвѣчаютъ словами: „такъ и слѣдовало, такъ и слѣдовало!" Ка-детамъ нужно было доказать всей публикѣ лживость этого припѣва. „Отлично понимая", что аграрныя волненія не могутъ быть подавлены иначе, какъ вооруженной силой, конституціоналисты-демократы были почти безоружны противъ правовиковъ, пока... пока правительство не помогло имъ. Переходя постепенно отъ меньшихъ насилій къ бо́льшимъ, правительство заставляло „общество" все съ большимъ и большимъ недовѣріемъ качать головами при утвержденіи „правыхъ:" „такъ и слѣдовало!" Наконецъ, въ самый разгаръ избирательной борьбы, правительство руками Карангозова предало мирнаго редактора военному суду, руками Жданова и Аврамова искалѣчило Спиридонову... Правый блокъ былъ поставленъ въ невозможное положеніе. Не было никого, который рѣшился бы и здѣсь повторить „такъ и слѣдовало!" Ка-деты воспользовались моментомъ замѣшательства въ рядахъ противниковъ, усилили натискъ, и одержали побѣду надъ Блокомъ. Развѣ правительство не помогло имъ въ этой побѣдѣ.

Кадетамъ нужно было бороться еще со сторонниками „бойкота"; съ представителями крайнихъ лѣвыхъ партій. Товарищи-читатели помнятъ, какую жалкую картину представляли ка-деты при встрѣчѣ съ крайними въ октябрскіе, ноябрскіе дни, когда они могли бороться равнымъ оружіемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, при благосклонной поддержкѣ полиціи, засадившей лучшихъ борцовъ лѣвыхъ партій, разгромившей всѣ пролетарскія газеты, недопускавшей никакихъ рабо-

чихъ собраній, зажимавшей рты всѣмъ соціалъ-демократическимъ ораторамъ, въ мартѣ мѣсяцѣ конституціоналисты-демократы чувствовали себя ужъ гораздо лучше. Поддержка правительства, несомнѣнно, пошла имъ впрокъ.

Итакъ, правительство дѣятельно помогало конституціоналистамъ-демократамъ собирать голоса въ избирательной компаніи. Правительству обязаны кадеты своей „блестящей побѣдѣ". Посмотримъ, какъ заплатили ка-деты за эту поддержку своему „врагу". Было бы безбожно упрекать конституціоналистовъ-демократовъ въ неблагодарности: чистымъ золотомъ заплатили они правительству за его услугу.

Дѣйствительно. Ка-деты утверждаютъ, что ихъ „побѣда" доказала, какъ мало въ Россіи людей довольныхъ нынѣшними порядками. Но вѣдь этого незачѣмъ было доказывать: это всѣ знали задолго до начала избирательной компаніи! Въ дѣйствительности, ка-деты доказали нѣчто совершенно другое. Они доказали, какъ много осталось еще у насъ такихъ людей, которые надѣются такъ или иначе столковаться съ правительствомъ въ созываемой имъ Думѣ, которые еще вѣрятъ правительству и живутъ конституціонными иллюзіями. Это довѣріе, эти конституціонныя иллюзіи и старались конституціоналисты-демократы поселить въ избирателяхъ. Успѣли-ли они въ этой своей „освободительной" задачѣ? Высокая сумма полученныхъ ими голосовъ, равно какъ и полученные правительствомъ милліарды, доказываютъ, что они справились со своей задачей недурно.

Конституціоналисты-демократы изображали дѣло такъ, что 20 марта рождалась свободная Россія, умирало безправіе и насиліе и „навсегда устанавливалось мирное счастливое житіе на всемъ пространствѣ великой Россійской имперіи. 20 марта принесло ка-детамъ побѣду. Но все осталось по старому. Продолжаются казни и разстрѣлы, тюрьмы по прежнему переполнены, собранія по старому разгоняются, свободное слово задавлено, рабочіе подвергаются всѣмъ прежнимъ насиліямъ и лишеніямъ, крестьяне страдаютъ, какъ раньше... Лишь кадетскіе органы печати выростаютъ какъ грибы послѣ дождя, да въ мошнѣ у правительства шевелятся два лишнихъ милліардика.

Кадеты „побѣдили" съ помощью правительства.

Правительство „побѣдило" съ помощью ка-детовъ.

Надъ кѣмъ же одержали эти обѣ побѣды наши „партія народной свободы" и ея „врагъ", правительство? Эта побѣда надъ борющемся, за свободу народомъ!...

Но насъ не трогаетъ эта побѣда. Не надолго хватитъ конституціонныхъ иллюзій, распространяемыхъ конституціоналистами-демократами; не надолго хватитъ и добытыхъ ими для правительства денегъ...

Народъ своего все же добьется, кто бы ни стоялъ на его пути!

С. П.

По чему въ „Союзъ Приказчиковъ" не мѣсто хозяевамъ.

Неоднократно на общихъ и кружковыхъ собраніяхъ „Союза Приказчиковъ" обсуждался вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли принимать въ союзъ въ качествѣ членовъ-соревнователей хозяевъ купцовъ. И хотя каждый разъ Собранія рѣшали этотъ вопросъ отрицательно, тѣмъ не менѣе въ средѣ членовъ Союза есть еще не мало людей которые желали бы видѣть хозяевъ членами-соревнователями Союза.

Мотивы такого желанія очень различны. Одни говорятъ, что хозяева, записавшіеся членами-соревнователями нашего Союза, могутъ дать ему матеріальную устойчивость, что хозяева будутъ жертвовать крупныя суммы въ пользу учрежденій Союза, и это, молъ, дастъ намъ возможность оказывать поддержку нашимъ товарищамъ—членамъ Союза въ минуту нужды. Другіе говорятъ, что не всѣ хозяева намъ лютые вороги, а молъ есть между ними и люди, сочувствующіе нашимъ цѣлямъ и готовые порадѣть для нашего дѣла, въ особенности тѣ изъ хозяевъ, хоторые еще не такъ давно сами вышли изъ приказчиковъ. Наконецъ, третьи ставятъ на видъ, что среди приказчиковъ — членовъ Союза, есть весьма дѣятельныя товарищи, которые теперь

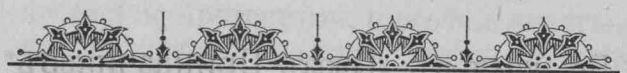
энергично работаютъ на общую пользу, а въ недалекомъ будущемъ могутъ стать хозяевами. Такъ неужели-же, спрашиваютъ они, такой дѣятельный членъ союза будетъ исключенъ изъ него только за то, что сталъ хозяиномъ?

На всѣ эти соображенія я постараюсь обстоятельно отвѣтить по порядку. Въ первомъ случаѣ, мы не должны допускать и малѣйшей возможности существованія на счетъ благотворительности хозяевъ, ибо Союзъ объединяетъ насъ главнымъ образомъ, на почвѣ *борьбы именно съ хозяевами-же*, за наши насущнѣйшіе интересы. Во второмъ случаѣ, когда говорятъ, что въ средѣ хозяевъ-одиночекъ, недавно вышедшихъ изъ приказчиковъ, есть люди, сочувствующіе нашему движенію, я могу отвѣтить: это происходитъ лишь отъ того, что они *пока* еще не успѣли отстать отъ стараго круга своихъ товарищей и не пристали еще въ кругу хозяевъ,—это разъ. А во вторыхъ, еще потому, что дѣло у нихъ *пока* маленькое и служащихъ они еще не имѣютъ, а лишь только они заведутъ своихъ приказчиковъ,—и отношеніе ихъ къ намъ измѣнится. Наконецъ, что касается до третьяго случая, то я хотѣлъ бы указать лишь, на то, какъ измѣняется кореннымъ образомъ характеръ наилучшаго приказчика, лишь только онъ становится хозяиномъ.

Вотъ яркій примѣръ этому: „Въ Апраксиномъ Рынкѣ въ № 103 имѣется мануфактурная торговля бывшая Егорова, нынѣ П. Д. Камышева. Лѣтъ 5-ть (или болѣе) тому назадъ этотъ Камышевъ былъ старшимъ приказчикомъ у Егорова (стараго хозяина этой торговли). Пользуясь довѣріемъ хозяина, онъ относился къ своимъ младшимъ товарищамъ очень хорошо: на завтракъ выдавалъ по 20 коп., къ праздникамъ Рождества и Св. Пасхи выдавалъ имъ за счетъ хозяина бѣлье, галстухи, подтяжки и т. д., и вообще всегда держалъ передъ хозяиномъ сторону своихъ младшихъ сослуживцевъ. Можно было ожидать, что когда онъ станетъ самъ хозяиномъ, то условія службы у него будутъ сносны и человѣчны.

Но вотъ уже около 5-ти лѣтъ, какъ П. Д. Камышевъ хозяинъ и характеръ этого человѣка сразу рѣзко измѣнился. На сколько онъ былъ справедливъ и чутокъ къ нуждамъ приказчиковъ, пока самъ былъ приказчикомъ, настолько-же онъ сразу усвоилъ себѣ эгоизмъ и произволъ хозяина-кулака.

Первымъ дѣломъ его было отмѣнить выдачу двухгривенныхъ на завтраки, и вмѣсто которыхъ онъ сталъ выдавать по 5 копѣекъ; затѣмъ, подъ разными предлогами, онъ уволилъ бывшихъ своихъ сослуживцевъ и набралъ почти весь штатъ служащихъ заново. Праздничные подарки въ видѣ бѣлья и пр. совсѣмъ отмѣнилъ. И помимо всего этого не-



Странички рабочей жизни.

(Картинки съ натуры).

Квартира состояла изъ трехъ комнатъ. Въ кухнѣ около печи суетилась Марья Ивановна, въ маленькой передней подъ наблюденіемъ задумчивой работницы табачной фабрики Агаши играли три дѣвочки,—а въ угловой комнаткѣ «спальнѣ»—лежалъ «хозяинъ» квартиры—слесарь Федоровъ. Онъ лежалъ въ углу, на соломенномъ тюфякѣ. Рядомъ валялось нѣсколько номеровъ журналовъ и газетъ: «Наша Мысль», «Голосъ Молодой Россіи», второй томъ «Былого»... Жестяная лампа стояла на маленькой скамьи, скудно освѣщая темную комнатку...

Федоровъ лежалъ уже около мѣсяца... Лицо его осунулось; подъ глазами были темно-синіе круги. Рядомъ, наклонившись къ больному, сидѣло двое молодыхъ людей...

— Вчера только вышли, читайте... Въ большинствѣ прошло хорошо. Не знай, какъ сегодня здѣсь?...

— Не утерплю я, ей Богу не могу... Чего тутъ гнить-то! Пойду съ вами; ей Богу... Знаешь что, Федя? Возьми меня—хоть немножко я освѣжусь. Вѣдь второй мѣсяцъ я здѣсь валяюсь... Свѣта не вижу; воздуха нѣтъ. Вѣдь здѣсь вѣчная ночь... Вонъ она стѣна-то! Мнѣ-бы только глотнуть той атмосферы, и я тотчасъ-бы ожилъ... Возьми»!..

Федоровъ приподнялся на локти и умоляюще смотрѣлъ на гостей...—«Вѣдь съ тоски я умираю... Въ самый что ни на-есть серьезный моментъ и слегъ... Думаю, думаю о себѣ—такъ злость беретъ... Люди борятся, люди кипятъ въ работѣ, а я на вотъ тебѣ поди.. Вчера она сказала мнѣ, что сегодня рѣшили устроить, и я такъ былъ радъ, что и у насъ,наконецъ, зашевелились... Обязательно пойду...

— Рано еще тебѣ выходить—вотъ что. Еще недѣлю какую—нибудь и вовсе станешь на ногу, а изъ этого разу можешь опять залечь. Потерпи ужъ...

— Я все лежу и думаю. Когда я былъ въ Олонецкой губ. въ ссылкѣ Нютка только еще родилась. Вотъ я и говорилъ—Нютка доживетъ до свободы, а мы такъ и умремъ въ нищетѣ, невѣжествѣ и рабствѣ... Оказалось вонъ какъ повернуло дѣло... Тамъ-же былъ одинъ ссыльный—удивительный человѣкъ! Начнетъ говорить—такъ словно искры отъ него сыплются. «Вѣрю въ побѣду!» и правъ былъ: самъ не дожилъ, мы почти дожили... Вѣдь когда я поступилъ на заводъ о такихъ вещахъ и помыслить страшно было, а теперь вишь всѣ согласились слушать и защищать...

— Вамъ вредно много говорить, отдохните...

смотря на то, что въ бытность свою приказчикомъ онъ самъ тяготился долгимъ рабочимъ днемъ, онъ заставляетъ теперь своихъ служащихъ работать отъ 8 час. утра до 11—11½ час. вечера, т. е. 15½ часовъ въ сутки. Изъ этого примѣра, можно видѣть, какъ самый лучшій товарищъ-приказчикъ становится очень скверным хозяиномъ, какъ только дѣлается купцомъ.

Поэтому я и полагаю, товарищи, что „Союзъ Приказчиковъ" долженъ быть чистымъ пролетарскимъ Союзомъ безъ всякого участія хозяевъ подъ какимъ-бы то не было видомъ.

Леонтьевъ.

Очеркъ положенія торгово-промышленныхъ служащихъ въ Россіи.

Жить въ свободѣ
умереть въ борьбѣ.

I.

Не удивительно, что до сихъ поръ, въ нашей литературѣ почти не затронутъ, такой угнетенный, и эксплоатируемый и столь громадный по своей численности, классъ, какъ торгово-промышленные служащіе. Въ странѣ, гдѣ царитъ произволъ и эксплуатація, гдѣ душится всякое живое слово, гдѣ всюду кругомъ насиліе и безправіе, безправная литература, съ трудомъ можетъ удѣлять свое вниманіе изученію и изслѣдованію условій жизни отдѣльныхъ эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ классовъ. Слишкомъ много было кругомъ зла и страданій въ нашей общественной жизни; и страданія, и порабощенія торгово-промышленныхъ служащихъ тонули въ морѣ угнетенія и зла. А съ развитіемъ промышленности и торговли этотъ классъ все возрастаетъ и уже теперь служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ считаютъ сотнями тысячъ, но положеніе ихъ ни на іоту не улучшилось и эти «беззащитные и загнанные рабы XX вѣка», какъ справедливо назвалъ ихъ одинъ изъ немногихъ изслѣдователей ихъ быта,—(см. брошюру г. Гудвана «Приказчики въ Одессѣ»),—находящіеся въ полномъ порабощеніи у купцовъ—самодуровъ, издѣвающихся надъ ними, требуютъ къ себѣ вниманіе.

И дѣйствительно, трудно найти какую-нибудь отрасль труда, гдѣ бы такъ безпощадно порабощались и эксплуатировались служащіе, гдѣ бы эксплуатація и порабощеніе были болѣе безжалостными и болѣе поощрялись существующими законами страны. Самыя элементарныя нужды этихъ тружениковъ остаются до сихъ поръ не удовлетворенными. А нужды эти очень велики.

Если мы посмотримъ на продолжительность

— Молчать мнѣ вредно, а не говорить... Вѣдь я чуть съума не схожу отъ того, что у меня въ головѣ... Мысли черезъ край льются, а высказать некому... Вотъ, когда вижу я, что кругомъ происходитъ и читаю о тысячахъ казней,— то какъ-то жутко становится, а какъ вспомню, что, даромъ ничто не дается» и что послѣ этого наступитъ свободное царство и станетъ мнѣ радостнѣй и жизни не жалко... Порой начинаетъ червякъ грызть, что передъ женой я виноватъ, передъ дѣтьми: вѣдь какъ заводъ сталъ я одной копейки не заработалъ, голодали въ буквальномъ смыслѣ... А она къ иному привыкла—сама другимъ помогать любитъ. Возьметъ горшокъ, дойдетъ до столовой, да и назадъ... Совѣстно войти и попросить... Все до нитки вѣдь заложили, а потомъ я слегъ... И теперь еще Богъ знаетъ, что впереди... Чего хуже, кажется? А не унываю. Ей Богу! Какъ захочется больно ѣсть иль тоска начнетъ грызть—запою «Вихри враждебныя» и все, какъ рукой сниметъ... Закрою глаза и представляются мнѣ митинги, ораторовъ угадываю, слова ихъ слышу...

Федоровъ остановился и уткнулся въ подушку головой... Гости поднялись...

— Идете уже?

— Да намъ пора... Нужно передъ началомъ смѣны...

— И я иду... Христа-ради!..

Гости переглянулись. Одинъ пожалъ плечами и началъ вертѣть въ рукахъ шапку. Федоровъ сѣлъ на постели и натягивалъ на плечи пиджакъ...

— Останься, Гриша... Еще разъ попробывалъ остановить одинъ изъ гостей... Но Федоровъ не слушалъ... Улыбаясь, онъ продолжалъ поспѣшно одѣваться... Руки его тряслись, и онъ съ трудомъ могъ застегнуть пуговицы...

— Вѣдь сразу здоровѣе сталъ... А то лежи и лежи безъ конца... На портретъ Маркса совѣстно взглянуть стало... Бывало какъ дѣла-то шли прямо въ глаза ему смотришь, а теперь стыдно... «Ишъ лежебока»,—чать думаетъ.

Гости помогли Федорову одѣть пальто и калоши...

Двѣ громадныя бумагопрядильни расположены одна противъ другой. Въ растворенныя ворота выходили толпы рабочихъ и, разбиваясь по кучкамъ, начинали оживленно бесѣдовать... Женщины и дѣвушки подтрунивали надъ пожилыми рабочими... Фабричные мальчишки забрались на кучи снѣга... Всѣ находились въ ожиданіи «чего-то»... Народъ прибывалъ...

— Эй ты, кандидатъ въ Думу!..

— Ну?

— То-то и есть, что—«ну»... Пришелъ онъ, иль нѣтъ...

— Не видѣлъ.

— Пора-бы начинать... Кабы народъ не началъ расходиться.... Партія! Сволочи больше ни-

ихъ рабочаго дня, то видимъ, что большинству приходится проводить въ торговыхъ заведеніяхъ минимумъ 15 часовъ съ сутки, а многимъ до 18—20 час. т. е. $^3/_4$ жизни!..

Приказчикамъ бакинскихъ виноторговцевъ приходится работать съ 6 час. утра до 12 час. ночи; въ Костромѣ рабочій день торговыхъ служащихъ продолжается отъ 12 до 16 часовъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ торговля производится съ 4 часовъ утра до 10 — 11 час. вечера, т. е. уже до 18—19 часовъ. Въ Черниговѣ большинство торговыхъ заведеній открывается въ 6 час. утра, а закрывается разновременно: въ 3-хъ или 4-хъ магазинахъ въ 9 часовъ вечера, въ остальныхъ въ 10—11 и даже въ 12 час. ночи, т. е. торгуютъ по 17—18 часовъ въ сутки. Если къ этому,—говорится въ заявленіи, поданномъ приказчиками и торговцами въ думу, относительно ограниченія будничной торговли, — присоединить время, потребное для прохода отъ магазиновъ до дома и обратно, время на утренній туалетъ, чай, а вечеромъ ужинъ, то спать служащимъ, несущимъ по истинѣ каторжный трудъ, совсѣмъ уже почти нѣтъ времени. «Такимъ образомъ лѣтомъ приказчики проводятъ въ душной и спертой, а зимой и осенью, въ большинствѣ магазиновъ, въ холодной и сырой атмосферѣ $^2/_3$ сутокъ, или $^3/_4$ всей жизни».

По собраннымъ московскимъ отдѣленіемъ русскаго техническаго общества свѣдѣніямъ, наивысшая величина рабочаго дня торговыхъ служащихъ падаетъ на Елизаветоградъ, гдѣ она равна $17^1/_2$ час. въ сутки, доходя въ 31-мъ случаѣ до 18 час. и въ 14 — до 19 час. Затѣмъ, слѣдуетъ Новочеркасскъ, гдѣ средняя продожительность рабочаго дня торгово-промышленныхъ служащихъ равна почти 16 часамъ, доходя въ 50-ти случаяхъ до 16 ч., въ 34—до 17 час. въ 11—до 18 часовъ, въ 6-ти до 19 час. и въ 2-хъ до 20 и 21 часа!

Эти цифры грандіозны и безпощадны. Удивляться, какъ терпѣливъ и выносливъ человѣкъ. Эта безсмысленная и жестокая эксплуатація тѣмъ больше не понятна, что улучшеніе службы приказчиковъ въ смыслѣ сокращенія рабочаго дня нисколько не затрагиваетъ постороннихъ интересовъ и положенію торговли не вредитъ.

Тутъ можно говорить лишь объ удобствахъ покупателей, интересы же торговцевъ, отъ прекращенія торговли по праздникамъ и сокращенія ея въ будничныя дни, нисколько не страдаютъ. Такъ, напримѣръ, когда Камышской думѣ съ большимъ друдомъ удалось провести вопросъ о сокращеніи торговли въ праздничные дни (торгуютъ одинъ часъ), то опасались чуть не разоренія торговцевъ. А теперь, какъ хозяева, такъ и приказчики, имѣютъ заслуженный отдыхъ— одинъ разъ въ недѣлю. И оказалось, что никто отъ этого не пострадалъ.—ни торговцы, ни покупатели, такъ какъ каждый старается запастись всѣмъ необходимымъ въ будни. Нисколько, разумѣется, не пострадаютъ ни торговцы, ни поку-

---

чего—такова моя рекомендація! Правовой порряяядокъ... Мнѣ не досадно, что ударилъ... Смотрю валяется на дорогѣ перчатка—поднялъ и посмотрѣть не успѣлъ, а они уже сцапали... А они оказывается нарочно подкинули въ ней три штуки. Ну и переночевалъ въ участкѣ...

— Ребятишки! Дѣлайте покуда спѣшную бабу—выберемъ ее, пусть получаетъ 10 руб. въ день.

Вся улица закружена народомъ... Полицейскій подходитъ къ отдѣльнымъ группамъ и совѣтуетъ разойтись.—Это ты, чудакъ,—замѣчаетъ здоровенный парень и надвигаетъ полицейскому на глаза фуражку...

Пришелъ, пришелъ... Тише, тише!!.

Водворяется тишина...

На тумбу сталъ молодой человѣкъ... Глаза всѣхъ устремились на него...

— «Товарищи!—началъ онъ, и звонкій голосъ его пронесся изъ конца въ конецъ улицы...—Товарищи! Завтра вы должны избирать уполномоченныхъ!.. Поэтому я хочу сказать Вамъ нѣсколько словъ о думѣ»...

Федоровъ стоялъ около фонаря и не спускалъ глазъ съ «оратора»... Взволнованный ораторъ доказывалъ, что Дума— новый обманъ, новое средство закабалить трудящіяся массы... Федоровъ поблѣднѣлъ, глаза его блестѣли, руки тряслись...

— Вѣрно, вотъ... Ей Богу, вѣрно!

— Такъ, такъ... оттаривай ее... А то дума!

— Да надумали, можно сказать.

— Вѣрно, братцы, все вѣрно... Я вамъ говорю... лепеталъ Федоровъ... Потомъ снялъ шапку и началъ махать ей...

Вдругъ толпа зашевелилась. Послышались испуганные возгласы... Часть рабочихъ шарахнулась въ сторону.

По улицѣ во весь опоръ мчались казаки и конные городовые...

— Разойдись!!.

Хватай оратора!.. Живо!!.

Большинство рабочихъ бросилось къ фабричнымъ воротамъ... Изъ за заборовъ полетѣли полѣньи, гайки, болты... Раздѣлившись на двѣ части казаки помчались къ концамъ улицы...

Федоровъ возвращался вмѣстѣ съ ораторомъ. Онъ былъ оживленно настроенъ и говорилъ безъ конца...

— А то нельзя, доктора. Вотъ я почти совсѣмъ на ногахъ... Нѣтъ больно смѣшно—хватай оратора! Ха, ха, ха... А я взялъ да и смѣнился съ нимъ шапками. Ищи свищи... Нѣтъ больно ловко мы гаркнули: Долой Думу! А они ужъ и несутся... Ха, ха, ха... Ловко!..

Николай.

патели и отъ сокращенія торговли въ будничные дни, такъ какъ рано утромъ и поздно вечеромъ все равно покупателей почти не бываетъ, а кому нужно, тотъ купитъ, что ему слѣдуетъ, и въ теченіе дня. Раннее открытіе и позднее закрытіе магазиновъ вызывается конкурренціей торговцевъ; если же для торговли вообще будетъ установленъ опредѣленный срокъ, конкурренціи опасатся не придется.

Несмотря на это, когда министръ финансовъ обратился къ биржевымъ комитетамъ, чтобы обсудить вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня торгово-промышленныхъ служащихъ, то Кіевскій комитетъ высказался принципіально противъ предложенія министра. «Работа приказчиковъ,— изрекъ онъ,—не требуетъ никакого напряженія силъ, а есть больше наблюдательное занятіе (курс. нашъ), которое не только не изнуряетъ, но даетъ еще приказчикамъ возможность во время перерывовъ отдыхать и даже заниматься самообразованіемъ, — чтеніемъ книгъ и газетъ, что въ дѣйствительносги и наблюдается. Что касается воскресныхъ и праздичныхъ дней, то торговыя заведенія если не весь день, то большую часть дня закрыты и тогда приказчики свободны». «Поэтому они въ урегулированіи труда вовсе не нуждаются»

Болѣе вѣрное освѣщеніе приказчичьему труду даетъ Елизаветградскій биржевой комитетъ. «Трудъ приказчиковъ,—говоритъ онъ,—несмотря на кажущуюся, при первомъ взглядѣ, легкость, очень тяжелъ даже въ физическомъ отношеніи, когда имъ, напримѣръ, приходится торопливо перебросить передъ глазами покупателя массу товара; эта работа совершается имъ въ возбужденномъ состояніи, при опасеніи потерять покупателя и навлечь на себя черезъ это недовольство хозяина, что ее дѣлаетъ особенно утомительной».

По мнѣнію Елизаветградскаго и Одесскаго комитетовъ «продолжительность рабочаго дня не должна превышать 12 часовъ съ перерывомъ для обѣда и отдыха въ 2 часа (самарскій и казанскій комитеты), $1^1/_2$ часа (одесскій), 1 часъ (елизаветградскій). Въ это время занятія въ торговыхъ заведеніяхъ должны быть прекращены (самарскій), или же можно торговать двумя смѣнами въ предѣлахъ времени отъ 5 часовъ утра до 8 час. вечера (одесскій).

Вотъ къ чему пришли болѣе «либеральные» биржевые комитеты, познакомившись немножко съ ужаснымъ положеніемъ торгово-промышленныхъ служащихъ.

Но если отнестись нѣсколько внимательнѣе къ ихъ положенію, то поражаешься не только длиной ихъ рабочаго дня, но и заработной платой и вообще всѣми условіями, вся та обстановка, въ которой имъ приходится жить и трудиться. Требованія, которыя кое-гдѣ выставляютъ приказчики поражаютъ своей элементарностью. Необходимость удовлетворить эти требованія такова же, какъ необходимость дышать воздухомъ. Одно изъ такихъ требованій было выработано на собраніи приказчиковъ въ Харьковѣ въ 1905 году г. Собраніе которое открылось чувствительными словами предсѣдателя: «Настоящее собраніе наше—первое въ Россіи—является вполнѣ законнымъ; оно разрѣшено г. губернаторомъ. Мы должны соединиться совмѣстно и обсудить давно наболѣвшіе вопросы. За нами правда и Богъ». И въ числѣ требованій приказчиковъ находимъ: «всѣ торгово-промышленныя заведенія города Харькова, не исключая расположенныхъ на базарахъ, были бы открыты въ будничные дни отъ 8 часовъ урта до 7 час. вечера, при чемъ на обѣдъ полагалось бы не менѣе $1^1/_2$ часа.» Тамъ же представителемъ отъ корпораціи мясниковъ была произнесена рѣчь, которая производитъ большое впечатлѣніе: «г. г. товарищи,—говоритъ онъ,—обратите вниманіе на наше положеніе. Мы встаемъ въ 2 час. ночи и ложимся въ 10—11 часовъ ночи. Большую половину дня мы таскаемъ тяжелыя туши по 5—6 пудовъ на своихъ плечахъ:

При этомъ надо помнить, что трудъ приказчиковъ продолжается не шесть дней въ недѣлю, а семь. Вся жизнь является сплошнымъ трудовымъ днемъ. Цѣлый рядъ сѣрыхъ будней безъ одного свѣтлаго дня. Перерывомъ въ работѣ, отдыхомъ является лишь потеря мѣста. Безработица, которая, думаю, какъ это для всякаго ясно, является все же слишкомъ плохимъ отдыхомъ. Но даже ему во многихъ случаяхъ, рады эти труженики, хоть на день, два... но все же отдыхъ, такъ мучителенъ, такъ невыносимъ этотъ каторожный трудъ!

М. Розенъ.

Какіе дни должны мы праздновать?

Въ 3-емъ пунктѣ программы нашихъ ближайшихъ требованій, напечатанной въ 1-омъ № «Приказчика», перечисляются тѣ дни, на которые мы должны добиваться полнаго праздничнаго отдыха. Между этими днями упоминаются, 9 Января и 1-ое Мая, тѣ дни, въ которые всего усиленнѣе мобилизуются всѣ полицейскіе резервы, и рабочіе кварталы города принимаютъ видъ военнаго стана.

По вопросу о празднованіи этихъ дней и о возможности добиваться на нихъ полнаго отдыха. редакція получила много писемъ и замѣтокъ отъ товарищей приказчиковъ. Одни изъ нихъ всей душой сочувствуютъ этому требованію, другіе высказываютъ опасенія, что борьба за нихъ будетъ очень тяжела.

Стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, бороться приказчикамъ за эти праздники? Не лучше-ли постараться получить праздничный отдыхъ на какіе-

либо иные, .болѣе «невинные» дни, напр., на 6 Декабря, 15 Мая и т. п.?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, который, судя по приходящимъ въ редакцію письмамъ, сильно интересуетъ товарищей, мы должны, прежде всего, разобраться въ томъ, зачѣмъ, вообще, добиваемся мы праздничнаго отдыха.

Едва-ли многіе изъ приказчичьей массы борятся за праздничный отдыхъ лишь для того, чтобы употребить свободное время на сонъ да на разгулъ. Для тѣхъ, кто видитъ въ свободномъ времени лишь средство поспать лишній часъ да покутить, кто не знаетъ никакого, другого времяпрепровожденія, у кого нѣтъ никакихъ другихъ запросовъ и потребностей, для тѣхъ, разумѣется, все равно, будутъ-ли они спать или сидѣть въ трактирѣ 1 Мая или 15. И если на 15 Мая имъ легче добиться отдыха, чѣмъ на 1 Мая, то они естественно предпочтутъ первый праздникъ послѣднему.

Но дѣло въ томъ, что люди съ такимъ ограниченнымъ кругозоромъ, съ такими узкими потребностями неспособны вовсе бороться за праздничный отдыхъ. Слишкомъ покорно и тупо относятся они къ хозяину, чтобы рѣшиться идти противъ его воли. Слишкомъ дрожатъ они за свое мѣсто, чтобы рѣшиться подвергнуться опасности лишенія заработка. Слишкомъ мало нитей связываетъ ихъ съ товарищами, чтобы они могли объединиться съ ними для борьбы.

Борьба за праздничный отдыхъ начинается лишь тамъ, гдѣ пробудилось въ угнетенныхъ труженикахъ чувство человѣческаго достоинства, стремленіе къ свѣту, къ свободѣ, къ развитію своей человѣческой личности. Именно это стремленіе къ свѣту, а не стремленіе къ кутежу и разгулу, является главнымъ двигателемъ борьбы за праздничный отдыхъ. Лишь это общее стремленіе сплачиваетъ ряды борцовъ за праздничный отдыхъ, даетъ имъ необходимую солидарность, необходимую въ борьбѣ готовность къ жертвамъ.

Праздничный отдыхъ необходимъ намъ потому, что безъ него мы остаемся какъ-бы вычеркнутыми изъ сознательной человѣческой жизни, не можемъ ни пополнить своего образованія, ни разобраться въ явленіяхъ окружающей насъ жизни, ни вмѣшаться въ кипящую вокругъ насъ борьбу. Борясь за праздничный отдыхъ и за свободные вечера, мы боремся не только за облегченіе нашей жизни, но главнымъ образомъ и прежде всего, за просвѣтленіе ея человѣческимъ свѣтомъ, свѣтомъ гражданскаго сознанія. Отказъ отъ праздничнаго отдыха означалъ-бы для насъ отказъ отъ достойнаго, человѣческаго существованія. Это и даетъ намъ необходимую стойкость и энергію въ борьбѣ. Съ другой стороны, если правительство отказывается помочь намъ въ этой борьбѣ, то именно потому, что оно слишкомъ хорошо знаетъ, что при короткомъ рабочемъ днѣ и праздничномъ отдыхѣ мы перестанемъ быть покорными рабами, но научимся и дальше бороться за цѣли общія у насъ съ остальной массой пролетаріата.

Такъ должны понимать мы борьбу за праздничный отдыхъ.

А при такомъ пониманіи требованія о праздничномъ отдыхѣ, мы, разумѣется, не можемъ быть равнодушными къ вопросу о томъ, какіе именно дни будемъ мы праздновать. Чувство человѣческаго достоинства заставляетъ насъ требовать празднованія, прежде всего, тѣхъ, дней, которые святы для насъ связанными съ ними воспоминаніями. Располагая досугомъ въ эти дни, мы всего болѣе способны пріобщиться къ борьбѣ нашихъ товарищей за общее дѣло. Въ эти дни возвышающія насъ мысли и воспоминанія всего болѣе наполняютъ нашъ досугъ.

Къ числу такихъ дней, несомнѣнно, принадлежатъ 9 Января и 1 Мая.

9 Января петербургскій пролетаріатъ принесъ свою великую кровавую жертву за искупленіе Россіи. Мысль объ этомъ днѣ заставляетъ сильнѣе биться сердцу рабочаго, укрѣпляетъ въ немъ готовность бороться и умереть за свободу. Этотъ день торжественно справляется нашими заграничными товарищами. И въ то время, какъ наши товарищи западной Европы грандіозными шествіями съ пѣніемъ и знаменами чтутъ память павшихъ 9 Января петербургскихъ рабочихъ, петербургскій пролетарій будетъ оставаться за своимъ станкомъ или прилавкомъ!?

Это не возможно!

Неужели и 1 Мая, когда рабочіе всѣхъ странъ празднуютъ свой праздникъ, собираясь въ многомилліонныя арміи подъ своими красными знаменами, неужели въ этотъ день, когда каждый пролетарій видитъ передъ собой принадлежащее его классу будущее, приказчикъ по-обыкновенному останется за постыломъ хозяйскимъ прилавкомъ!?

Это было-бы слишкомъ оскорбительно для его человѣческаго достоинства!

Празднованіе этихъ дней нужно намъ не только для отдыха, и не для кутежа. За эти дни мы должны бороться, какъ за право чтить нашихъ павшихъ героевъ, какъ за право объединяться въ общемъ порывѣ со всѣми борцами за рабочее дѣло!

И только полнымъ непониманіемъ значенія праздничнаго отдыха можно объяснить предложеніе отказаться отъ празднованіе 1 Мая и 9 Января, или другое, еще болѣе странное предложеніе—празновать вмѣсто нихъ другіе дни,—дни, которые ничего не говорятъ приказчику—пролетарію и воспоминаніе о которыхъ можетъ навѣвать на него одну только скуку...

С. Петровъ.